

УДК 81-11

**О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТЕРМИНА «ОБСТОЯТЕЛЬСТВО»  
В ТРАДИЦИОННОЙ ГРАММАТИКЕ**

**Александр Николаевич Федотов**

кандидат филологических наук, доцент

Мичуринский государственный аграрный университет

г. Мичуринск, Россия

**Аннотация.** Изначально наречие понималось синкретично: и как слово, и как синтаксическая позиция, которую слово занимает при глаголе, выступающем в качестве сказуемого. По мере осознания неоднородности понятий части речи и члены предложения эта синтаксическая позиция получила наименование обстоятельство. Между тем первоначальное двойное понимание наречия сохраняется в традиционной грамматике и до сей поры.

**Ключевые слова:** обстоятельство, наречие, члены предложения, части речи.

По мнению Н.М. Шанского, русское наименование обстоятельство является калькой латинского *circumstantia* или немецкого *Umstand*, появившемся в русском литературном языке в первой половине 18 в. [13].

Между тем русское наименование обстоятельство неправомерно было бы считать калькой немецкого *Umstand*, так как это наименование появляется едва ли не впервые в сочинении Р. Вурста, вышедшем в 1836 году. А это хронологически никак не совпадает с данными Н.М. Шанского. Вероятнее всего обстоятельство следует считать калькой французского *circonstance*, которое, как уже отмечалось выше, впервые представлено в перечне членов предложения (*membresdelaphrase*) в сочинении француза Г. Жерара (1747 г.).

Об этом свидетельствует то обстоятельство, что с классификацией членов предложения Г. Жерара, хотя бы даже и через сочинения других французских ученых, должен был быть знаком А.А. Барсов, у которого прослеживается явная тенденция к выделению обстоятельства как особого члена предложения, хотя для него это еще не синтаксический термин [2]. Слово обстоятельство в понимании, близком к тому, которое обнаруживается у французских и немецких грамматистов, употреблялось и Н.И. Гречем [3].

Первым же, кто в истории русского синтаксиса стал различать обстоятельство как особый член предложения, понимая его при этом так, как оно понимается в настоящее время, был П.М. Перевлесский [7]. Тем самым, как считает Н.М. Александров [1], он заложил основы современного учения о предложении и его членах в русской грамматике.

Краткий экскурс в историю происхождения термина наречие и напрямую связанного с ним термина обстоятельство позволяет сделать следующий весьма немаловажный вывод. Наречие изначально понималось синкретично: и как слово, и как синтаксическая позиция, которую слово занимает при глаголе, выступающем в качестве сказуемого.

В дальнейшем по мере осознания неоднородности понятий части речи и члены предложения эта синтаксическая позиция получила наименование обстоятельство. Между тем первоначальное двойное понимание наречия

сохраняется в традиционной грамматике и до сей поры. Более того, это понимание распространяется и на другие части речи. Существительное зачастую отождествляется с подлежащим или дополнением, глагол со сказуемым, прилагательное же с определением. При таком подходе части речи рассматриваются как «морфологизированные» члены предложения. Такого взгляда на части речи в той или иной степени придерживались такие выдающиеся отечественные и зарубежные лингвисты, как А.А. Потебня, А.М. Пешковский, А.И. Смирницкий, И.И. Мещанинов, В.М. Жирмунский, Е. Курилович, Л. Теньер и др.

А.А. Потебня, возражая против логического толкования предложения и его членов, по существу, превратил части речи в члены предложения. «Существенный признак предложения в наших языках, – отмечает он, – состоит в том, что в предложение входят части речи; а если их нет, то нет и нашего предложения» [9]. В результате части речи в его концепции стали фактически излишними.

Обстоятельством для А.А. Потебни может быть только наречие. «Как личный глагол, – пишет он, – есть тем самым сказуемое или предикативная связка, как имя в прямом падеже, не согласуемое с другим, есть подлежащее, имя в косвенном падеже, не согласуемое с другим есть дополнение, а согласуемое имя в любом падеже есть определение или часть сказуемого; так и обстоятельству присвоена особая форма – наречие» [9].

По мнению А.М. Пешковского, части речи выработались в языке как члены предложения, и не могут быть оторваны от тех синтаксических форм, которые характерны для них. Части речи рассматриваются А.М. Пешковским как застывшие члены предложения, выкристаллизовавшиеся в определенные формы [9].

«Само существование той или иной части речи, – полагает А.И. Смирницкий, – зиждется на том, что входящие в нее слова регулярно используются в функции определенного члена предложения. Основой для наличия у того или иного слова характерных особенностей данной части речи

является регулярное употребление в функции тех членов предложения, содержание которых соответствует общему категориальному значению этого слова как части речи» [10].

Как морфологизированные члены предложения рассматриваются части речи в концепции И.И. Мещанинова. Различие между ними он видит в истории их возникновения [6].

Аналогичное мнение высказывается и В.М. Жирмунским. Например, наречие, считает он, произошло из обстоятельственных слов в результате их морфологизации [4].

Сходного взгляда на части речи придерживается Е. Курилович, согласно которому каждая из частей речи способна выступать в основной и производных синтаксических функциях, т. е. она может быть как морфологизированной, так и неморфологизированной [5].

В вербоцентрической концепции Л. Теньера, вершиной предложения объявляется глагол, которому противопоставляются как зависимые от него подлежащее, дополнение и обстоятельство, именуемые актантами и сирконстантами. (Под актантами и сирконстантами он понимал соответственно существительные и наречия.) [12].

В концепции каждого из упомянутых выше учёных так или иначе прослеживается смешение понятий части речи и члены предложения. Учение о частях речи, безусловно, очень тесно связано с учением о членах предложения. Однако эти два учения никоим образом не должны отождествляться друг с другом. Части речи – это все же не члены предложения. Существительные, глаголы, прилагательные, наречия являются классами слов, а отнюдь не морфологизированными членами предложения. Что касается подлежащего, сказуемого, дополнения, определения, обстоятельства, то это синтаксические функции, которые может выполнять в принципе любое слово (будь то существительное, глагол, прилагательное или наречие), становясь элементом предложения.

«В предложении, – писал Ф. де Соссюр, – все сводится, во-первых, к субъекту, во-вторых, к предикату и, в-третьих, как я полагаю, к союзу ... Но субъект и предикат не имеют ничего общего с частями речи, которые выделяются на основе иного принципа: – а) очевидно без всяких доказательств, что субъектом может быть существительное, местоимение, прилагательное или числительное. Но также и глагол (инфинитив)... – б) предикатом могут быть также все указанные части речи... Можно вообразить себе язык, в котором прилагательное, становясь субъектом, тут же приобретает особую форму. Это ничего не меняет в логическом порядке вещей. И это объясняет также, почему нет ничего особенного в том, что λέγομεν «(мы) говорим» не может быть субъектом. Достаточно, что им может стать λέγειν «говорить» [11].

Предложение следует рассматривать не как единицу речи или как высказывание, сообщающее о чем-либо, а как речевое произведение, речевую конструкцию, которая почти всякий раз заново строится, что важно подчеркнуть, не из словосочетаний, а из готовых слов по определенной модели. Компоненты структурной модели предложения традиционно называются членами предложения. Таким образом, для того чтобы избежать извечной путаницы между понятиями части речи и члены предложения целесообразно противопоставлять их друг другу как классы слов компонентам структурной модели предложения.

### **Список литературы:**

1. Александров, Н.М. Проблема второстепенных членов предложения // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Т. 236. Л., 1963.
2. Барсов А.А. Краткие правила русской грамматики. – М., 1771.
3. Греч Н.И. Пространная русская грамматика. Т.1. СПб., 1827.
4. Жирмунский В.М. О природе частей речи и их // Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). Л., 1968. С.7-32.
5. Курилович Е. Очерки по лингвистике / Е. Курилович. М., 1962.

6. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – Л.: Наука, 1978.
7. Перевлесский П.М. Начертание русского синтаксиса. – М., 1847.
8. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956.
9. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1-2. М.: Учпедгиз, 1958.
10. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М., 1957.
11. Соссюр, Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М.: Прогресс, 1990.
12. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988.
13. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971.

**UDC 81-11**

**ABOUT THE ORIGIN OF THE TERM "CIRCUMSTANCE"  
IN TRADITIONAL GRAMMAR**

**Alexander N. Fedotov**

Candidate of Philology, Associate Professor

Michurinsk State Agrarian University

Michurinsk, Russia

**Annotation.** Initially, the adverb was understood syncretically: both as a word and as a syntactic position that a word occupies with a verb acting as a predicate. With the realization of the heterogeneity of the concepts of part of speech and members of the sentence, this syntactic position received the name adverbial modifier. Meanwhile, the original double understanding of the adverb is preserved in traditional grammar to this day.

**Key words:** adverbial modifier, adverb, members of a sentence, parts of speech.